

УДК 94(47).083+929 В.А.Пыпина

В. А. ПЫПИНА: «ОТЕЦ И МАТЬ В МОЕМ УМЕ И СЕРДЦЕ»

Е. Н. Ризаева

Ризаева Елена Николаевна, аспирант кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, malova-el83@yandex.ru

В статье исследуется проблема формирования личности старшей дочери академика А. Н. Пыпина – Веры Александровны. Автор на основе анализа многочисленных и разнообразных архивных источников и исследовательской литературы определяет характерные особенности воспитания в семье Пыпиных, позволившие Вере Александровне стать высококультурной, широко образованной и целеустремленной личностью, посвятившей себя культурно-просветительской и общественно-благотворительной деятельности в тяжелое для страны время.

Ключевые слова: В. А. Пыпина, А. Н. Пыпин, Ю. П. Пыпина, духовность, формирование личности.

V. A. Pypina: «Father and Mother in my Mind and Heart»

E. N. Rizaeva

Elena N. Rizaeva, <https://orcid.org/0000-0002-4179-5300>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, malova-el83@yandex.ru

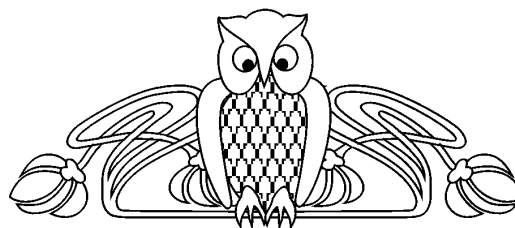
The article examines the problem of the personality development of the eldest daughter of academician A. N. Pypina – Vera Aleksandrovna. Basing on the analysis of numerous and various archival sources and research literature, the author defines characteristic features of education in Pypin's family which allowed Vera Aleksandrovna to turn into a highly cultural, widely educated and purposeful person who devoted her life to cultural, educational, social and charitable activities in the hard times for the country.

Key words: V. A. Pypina, A. N. Pypin, J. P. Pypina, spirituality, personality formation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-419-424>

Вера Александровна Пыпина (1864–1930 гг.) – старшая дочь академика А. Н. Пыпина и Ю. П. Пыпиной – родилась и выросла в Петербурге. Этой яркой и незаурядной личности посвящено, к сожалению, крайне мало исследований¹. До сих пор нет обобщающей научной работы, раскрывающей многогранные стороны её жизни, культурно-просветительской деятельности и творчества.

При жизни отца Вера Александровна была фактически его ближайшей помощницей. Она окончила Василеостровскую гимназию, куда была переведена из гимназии Спешневой. Впоследствии она окончила Педагогические курсы Санкт-петербургских женских гимназий. Ее ин-

тересы были весьма обширны. Талант и творческая натура проявились, в частности, в фотографическом и художественном искусстве. Именно она стала автором первого изображения дома Чернышевских в Саратове. Эта акварельная работа В. А. Пыпиной поступила в фонд музея в 1920 г. и с тех пор неоднократно экспонировалась на различных музейных выставках².

Её племянница – дочь двоюродного брата М. Н. Чернышевского – Нина Михайловна вспоминала о том, как в детстве она была под необыкновенным впечатлением удивительных моментов работы Веры Александровны как художницы, так восхитившие и надолго оставшиеся в памяти маленькой Нины. Так, например, домик в «Улетышах», в небольшом имении Пыпиных в Курляндской губернии, был оформлен по рисунку Веры Александровны. Нина Михайловна вспоминала об этом: «Я была поражена особенно столовой, тоже, как и все в доме, оформленной рукой В [еры]. А [лександровны]. Это была какая-то воздушная комната в самых светлых тонах, со множеством свежей зелени не только на окнах, но и на стенах»³.

В 1895 г. Вера Александровна, будучи женой Ф. Г. Беренштама, открыла мастерскую «В. А. Беренштам», где изготавливала диапозитивы для «волшебного фонаря». Кроме того, в разные годы преподавала в Павловском институте, затем в Техникуме кустарной промышленности. Все это время она занималась и общественной работой. Вера Пыпина была членом Лиговского дома, также известного как Народный дом графини С. В. Паниной, открытого в 1903 г. В большом зале (на 1000 человек) устраивались выставки, проводились культурно-просветительские программы, научно-популярные лекции, давались концерты с участием известных артистов, устраивались народные балы, воскресные праздники для детей и взрослых, театральные представления. В Народном доме был открыт первый в России «Подвижной музей учебных пособий» и первая общественная обсерватория с высокими специалистами. Там также работали дтссад, ремесленные классы, столовая, чайная и библиотека устраивались⁴. В главном здании, кроме учебных и клубных помещений, находились юридическая консультация, сберегательная касса, обсерватория, здесь же выступал Общедоступный театр П. П. Гайдебурова, о посещении которого упоминает Вера Александровна в дневнике. В Лиговском доме она занималась с негра-

мотными и малограмотными, а также устраивала чтения со световыми картинками⁵.

С началом Первой мировой войны она стала работать в только что открытом в 1914 г. Центральном справочном бюро городских попечительств. Его руководительницей была Софья Владимировна Панина⁶. Целью бюро было содействие осведомлению попечительских работников о деятельности всех попечительств по всем направлениям для лучшей координации их работы. В связи с этим производилось анкетирование попечительств по оказанию трудовой, продовольственной, квартирной, детской помощи, раздаче казенного пайка. Работа бюро осуществлялась безвозмездно и добровольно. В дневнике Вера Александровна приводит характерный эпизод своей деятельности, когда она побывала на заседании Попечительства, где обсуждались постановления Городской Думы, касающиеся этой сферы. В ходе заседания было высказано мнение о том, что термин «благотворительная» деятельность желательно заменить на «гражданско-обязательную». С таким подходом согласилась и Вера Александровна, удовлетворенно отметив: «хорошо, что наше общество это чувствует»⁷. Свою гражданскую позицию к благотворительности она доказывала делами, понимая, что страна переживала тяжчайшее испытание.

Подобно многим людям в то время, Вера Пыпина с энтузиазмом и самозабвенно окунулась в общественную работу. Её мечтой было создание пансиона «для престарелых литераторов» в Меддуме⁸. Для этой цели она готова была даже предоставить свою дачу под Двинском. Первым из этих «престарелых» пансионеров все же успел оказаться литератор П. Е. Щеголев, проживший все лето у нее со своей женой⁹.

Небезразлична была Вера Александровна и ко всему тому, что происходило вокруг, она активно посещала различные лекции, заседания. Так, например, она посетила одно из заседаний религиозно-философского общества и выразила своё мнение по поводу выступления одного из лекторов этого общества – М. И. Туган-Барановского. Тогда ее возмутили рассуждения Михаила Ивановича о «разном» социализме Герцена и Чернышевского и параллели между ними, приведенные докладчиком¹⁰.

Несмотря на активную жизненную позицию, в душе Вера Александровна ощущала себя одинокой и, хотя в тот период рядом с ней находился её второй муж – литературовед, литературный критик и историк литературы Е. А. Ляцкий, она не чувствовала от него поддержки. В трудные минуты моральную и отчасти физическую силу ей придавали воспоминания о родных людях – отце, к которому была привязана больше всего, и матери, о чем она записала в дневнике¹¹.

В фондах музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского сохранились мемуары В. А. Пыпиной – «Отец и мать в моем уме и сердце», оформ-

ленные машинописным текстом, но начатые в разрозненном виде еще на рукописных страницах дневника. Анализ этих мемуаров позволит охарактеризовать нравственное воспитание и духовное развитие Веры Александровны через призму ее отношений с родителями, с ближайшим окружением и родственниками, рядом с которыми прошли её детские годы и пора становления. Особенно следует подчеркнуть влияние отца и матери на развитие нравственных и духовных начал дочери. На страницах дневника Вера Александровна оставила такие строчки: «с нежностью обращается моя мысль ко всем моментам общения с папой»¹².

Детские воспоминания начинаются с конца 1860-х гг., когда семья жила на съемной квартире. В «хозяйский» сад, где было много зелени, ухоженные дорожки, «нашего брата, жильца <...> не пускали», – с грустной иронией записала Вера Александровна. Сад, где Вера с другими детьми играла в лапту и пятнашки, был демократическим. При этом она отмечает, что дух демократизма и равенства глубоко коренился в ней, но, по-видимому, не воспитывался намеренно – вся жизнь, стиль общения ее родителей были таковы, что «люди не разграничивались на бедных и богатых»¹³. Эти качества еще в раннем детстве Вера восприняла от отца и своего семейного окружения, которое, по её впечатлениям, отличалось «высокой нравственной культурой, бережным отношением к людям, уважением к старинным народным традициям, начитанностью, веротерпимостью»¹⁴.

Из мира своего детства Вера вынесла воспоминания о непрерывном труде отца, любви и заботе матери, ровном отношении к прислуге – впечатления о простоте всяких отношений и полном отсутствии какой бы то ни было условности¹⁵. Кроме того, «здоровой основой» для детской души было чтение хороших детских книг. Поэтому, думается, вполне объяснимо непонимание Верой Александровной своего мужа, Евгения Ляцкого, делившего людей на «нужных» и «ненужных»¹⁶. Она сетовала на страницах дневника: «можно ли делить людей, когда все равны? Один богат, другой беден, один выдвинулся благодаря положению или другой в безвестности, и как же, за что же одного называть “нужным”, другого “ненужным”»¹⁷. Душа Веры Александровны была сродни отцовской, впитавшей его идеалы: «...у папы была цельная, чистая душа, недоступная ничему мелкому!»¹⁸

От природы Вера Александровна обладала поистине огромной жизнерадостностью, вероятно, унаследованной от отца, «который любил чувствовать вокруг себя жизнь». Передал он дочери и важную мысль о том, что если даже рухнет самое дорогое, то «надо жить своими духовными ценностями»¹⁹. Несмотря на свою, казалось бы, насыщенную и полновесную жизнь, однажды в дневнике В. А. Пыпиной были запи-

саны следующие строчки: «Зачем, за что выпала мне на долю такая бесконечно трудная жизнь? Может быть затем, чтобы не залениться мыслью, чтобы работать и над собой, и над выяснением тех вопросов, которые всегда с самых малых лет меня тревожили и влекли к себе?» И сама же дает ответ: «Может быть...»²⁰ Она переживает в себе каждое «столкновение с жизнью». «Испытание всецело меня захватывает, – отмечала она, – вызывает длительный анализ и, переходя постепенно в объективную оценку факта, вводит эту оценку, как новые приобретения в смысл расширения горизонта»²¹. По её мнению, каждое такое жизненное испытание – это определенный отрезок жизни, длительный или короткий, но он забирает силы, отнимает радость, но дает взамен какое-то приобретение: опыт, способность понимать прежде скрытое²².

Одним из мучительных испытаний стала для нее смерть ее единственной дочери Нины. Боль матери не прошла и спустя много лет. Она вспоминала, как в 1911 г., спустя двадцать лет после смерти дочери, переписывая в Румянцевском музее письма отца к Н. С. Тихонравову, встретила запись Александра Николаевича от 30 декабря 1889 г.: «У меня это время шло и идет очень тяжело: болезни свои и близких, и в настоящую минуту – страшные опасения за жизнь маленького существа». Стойко и замкнуто переживала Вера Александровна утрату ребенка. Никто из родных не видел её слез: «постыдилась своей слабости и перед мужественным в испытаниях отцом»²³. Это неизжитое страдание сопровождало её всю жизнь. Потеря дочери – это был первый удар ее судьбы.

Другой душевной драмой, перевернувшей не только жизнь, но и её мироощущение, был развод с первым мужем Ф. Г. Беренштамом. Тогда Вера Александровна, как она впоследствии вспоминала, не глядя «подмахнула прошение о расторжении брака», позволившее устроиться учиться его незаконно рожденным детям²⁴.

К материальным потерям она относилась иначе, чем другие люди. Бодрость духа не оставляла ее и в тяжелые годы Первой мировой войны. Даже тогда, когда немецкие войска захватили и разорили её домик в Меддуме, она сохраняла спокойствие и самообладание. Семья соседа по усадьбе художника Э.О. Визеля при встрече была удивлена: «Почему же вы такая бодрая?» Им казалось, что жизнь кончена. «Ну что же, надо жить другим», – отвечала на их недоумение В. А. Пыпина. Именно духовные ценности она ставила во главу угла и неоднократно это доказывала. Несколько лет спустя, уже в годы Гражданской войны, в 1918 г. она запишет: «материально мне весьма трудно», и тут, как впрочем и всегда, она показывает свой характер и способность выдерживать невзгоды жизни и судьбы: «в пылу работы я привыкла иметь и искать жизнь». И материальные, и душевные переживания она

предпочитала растворять в работе – «Бывали моменты, когда работа бывала для меня только опьянением от душевных невзгод»²⁵.

На протяжении долгих лет перед ней был пример отношений ее родителей, и, «вылупляясь, так сказать, из своей скорлупы», Вера Александровна узнавала отца и мать, училась ценить и уважать их, а также их отношение друг к другу и к людям вообще²⁶. Вера отмечала, что по утрам, когда папа, откинувшись на стуле и положив ногу на ногу, читал газету «Петербургские Ведомости», мама готовила ему чай²⁷. Несмотря на свою занятость и серьезный характер, отец всегда заботился о детях, а его любовь к ним проявлялась в чтении книг. «После обеда папа садится в кабинете на большой пребольшей диван <...> мы, дети, ютимся около папы, и он ровным, тихим голосом говорит нам сказку за сказкой», – пишет Вера Александровна. Лет с 9 она стала заходить к отцу за книгой с вопросом: «Что бы мне почитать?»²⁸

Вероятно, в эти юные годы всем своим поведением Вера старалась казаться отцу совсем взрослой, и он чаще всего предлагал ей читать Н. В. Гоголя, такие его произведения, как «Вий», «Вечера на хуторе близ Диканьки». Стоит заметить, что повести Гоголя пришлись ей по вкусу, «пленяли живописностью, причудливостью фантастики, и главное, прелестью языка». Несомненно, это мысли человека, который прочел не одну книгу, и осознанность чтения и понимания произведения в столь юном возрасте еще более ценны: значит, оно – произведение – доступно разуму, чувствам и воображению²⁹.

Много позже Вера Александровна входила в комиссию по изданию книг для детей и юношества у О. И. Капица. Итогом её многолетнего труда стала работа «Что рассказывать детям?». Это была первая отечественная хрестоматия по внеклассному чтению для детей, изданная в Петрограде в 1918 г. Товариществом Р. Голике и А. Вильбор³⁰. Среди членов этой комиссии она нашла «идейных друзей», в числе которых соавтор книги Александра Михайловна Калмыкова. Составительницы сборника ставили себе целью дать в нем художественный материал для чтения в аудиториях детям младшего и старшего школьного возраста города и деревни.

Вера Александровна, пристрастившаяся к книге с малых лет, читала даже тогда, когда книги было трудно достать, об этом она сетовала в письмах к Н. М. Чернышевской и на страницах своего дневника³¹. Она читала новинки или перечитывала уже известное ей произведение, находя что-то новое для себя. Среди занесенных ею в дневник произведений: роман *Rolland Romain Jean-Christophe*, рассказ Леонида Андреева «Надсмертное», «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Боги жаждут» Анатоля Франса. Иногда эти произведения были прочитаны ею в пик критических событий в стране. Неудивитель-

но, что в тяжелый период, наряду со строчками «скудость продовольствия прогрессирует», в её дневнике соседствуют записи о ее заинтересованности книгой «Русские Пропилеи», в которой был помещен архив Н. П. Огарева 1917 г.³² В 1919 г. Вера Александровна позволила себе приобрести сочинение Куприна, как она отметила, «за небольшую цену», и читала его с большим удовольствием. Любимым её автором был А. И. Герцен, книгу которого отец подарил, когда Вере исполнилось 15 лет. Как признается старшая дочь академика, ее учителями были: Тургенев, Толстой, Герцен, глубокое уважение к отцу, неустанные труды которого в пользу просвещения всегда были перед глазами и «незримая <...> тень Чернышевского»³³ – под их влиянием формировался основной склад внутреннего мира.

Проникнутая глубоким чувством уважения к отцу, к его труду, Вера не решалась проявлять вздорные мелкие интересы и настроения, свойственные ребенку. Не в ее характере были желания «каких-либо модных туфель или ярких бантов». Еще ребенок по годам, но рано повзрослевшая духовно, дочь постепенно становилась ближайшей помощницей отца: «Авторитет отца, активно, словно себя и не проявлявший, чувствовался сам собой и, если так можно выразиться, витал над всем в доме и во все проникал. Мы впитывали его как ту силу, которая навсегда должна была определить наши личности в будущем и стать источником морального для нас примера и поддержкой в дни трудные»³⁴. Интересен тот факт, что совсем юная девочка считала себя «ничтожной со своими маленькими житейскими интересами», в то время как ее отец – известный ученый, до которого, как ей казалось тогда, она должна дорасти, заслужить его доверие. И ей это удалось. Весь свой архив он поручал заботе старшей дочери, в надежде на ее служение семейному делу и долгу памяти³⁵.

Спустя 10 лет после кончины отца Вера Александровна в своем дневнике снова подчеркнет, что «была робка с ним, стыдилась своего духовного убожества». Свое главное упущение и ошибку она видит в немудрости житейской: «я тогда еще ошупью шла в жизни, не до конца была пронзена испытаниями». А об отце говорит как о человеке мудром, который «много не замечал около себя, зато все понимал в исторической перспективе»³⁶.

Когда же родилось у нее чувство глубочайшего уважения к родителям и любви к людям? Может быть, тогда, когда она увидела, с каким почтением, с каким бережным вниманием «этот столь недосыгаемый отец относится к старушке матери». А может быть, и тогда, когда внучка Вера писала Александре Егоровне Пыпиной письма из Петербурга в Саратов? Хотя ее знакомство с саратовскими дедушкой и бабушкой по излишней застенчивости оказалось внешним. Вера признавала, что с сестрой страдали от не-

обходимости писать в Саратов³⁷, однако спустя годы пришла к выводу, что мама была совершенно права, когда усаживала их писать письма. Тем самым Юлия Петровна с юных лет воспитывала и взращивала в них, детях, чувство долга, укрепляла уважение к старшим. Эти чувства, которые она переняла от родителей иногда и принужденно формировали характер Веры.

В поисках ответов на жизненные вопросы Вера Александровна часто обращалась к прошлому, вспоминая отца, записывала в своем дневнике: «Развалины не имели бы никакого смысла, между тем, они для нас красноречивы и хранят чудные легенды из жизни наших отдаленных предков, наследие которых мы несем и должны нести»³⁸. А в день его рождения, 25 марта, в ее дневнике записаны важные строчки: «Для меня это день сосредоточенья в себе, в ощущении великой принадлежности к отцу за то духовное содержание (частица от его мощного), которое храню в душе, как лучшее наследие»³⁹. Как ценны были советы Александра Николаевича дочери и как не хватало их после его смерти!.. Вера искренне переживает, что надо было бы полнее отдавать все время только ему⁴⁰. Она признается, что все выполняла с величайшей любовью к отцу: работа по переписке, запись под диктовку, прогулки или беседа. В очередной раз она подтверждает, что идеалом ее жизни был отец. Работая над статьей о Вл. Соловьеве⁴¹, Вера Александровна запишет в дневнике: «Чистый, редкий человек был папа», называет его «путеводной звездой»⁴². Едва ли не каждая ее статья или дневниковая запись была своеобразным посвящением А. Н. Пыпину.

Свою мать Вера Александровна охарактеризовала так: «Романтически восторженная, живая и впечатлительная»⁴³. Из мемуаров В. А. Пыпиной следует, что всех женщин мать условно делила на два типа – у одних вся сила любви сосредоточивалась на детях, у других – на муже. Себя она относил к первому типу⁴⁴. Юлия Петровна – заботливая жена, мать, на воспитании которой, кроме своих детей – Веры, Наташи, Коли, Дмитрия, на долгие годы оставались дети Н. Г. Чернышевского – Саша и Миша⁴⁵. Вере было всего три месяца, когда к ним привезли жить десятилетнего Сашу. Трудное было время: Николай Гаврилович находился в крепости, Ольга Сократовна пребывала в глубоком потрясении от произошедшего, а все мысли и заботы А. Н. Пыпина были сосредоточены на Николае Гавриловиче⁴⁶. Обстоятельства сложились так, что Юлия Петровна, чьи собственные дети были еще достаточно малы, окружила любовью еще и осиротевших Вадю и Сашу Брюлловых – сыновей Софьи Константиновны Кавелиной, дочери крестного отца Веры Пыпиной К. Д. Кавелина. С. К. Кавелина, вышедшая замуж за российского живописца П. А. Брюллова, часто бывала у Пыпиных⁴⁷.

Свою заботу и помощь Ю. П. Пыпина проявила и тогда, когда врач-окулист рекомендовал

ее мужу отдых: на год прекратить чтение и письмо⁴⁸. Посвятив Александру Николаевичу все свое время, Юлия Петровна стала записывать тексты его работ под диктовку. При совместной работе она «глубже до полноты узнала и оценила его». Вера Александровна, оканчивая педагогические курсы, мечтала, что станет полезной отцу и в случаях нездоровья матери станет заменять ее: «Я уже оканчивала педагогические курсы и могла быть к 1883 – нач. 1884 г. косвенно полезной отцу, – иногда в случаях нездоровья матери я заменяла ее и писала под его диктовку, обычно же составляла указатели, делала выписки или переписывала старинные рукописи, которые он получал из Румянцевского музея»⁴⁹.

Сам А. Н. Пыпин как ученый придавал исключительную значимость документу как важному историческому источнику. Его старинными были сохранены многие документальные материалы к биографии декабристов, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского. Подобное отношение он формировал и у членов своей семьи. Именно старшая дочь стала идейным вдохновителем отца на создание мемуаров «Мои заметки», впервые опубликованных уже после смерти академика⁵⁰. «Какого же читателя иметь мне в виду», – спрашивал Александр Николаевич. «Да никакого, просто вспоминай то, что вспомнится», – убеждала его дочь. Пыпин назвал их «Заметками», потому что времени для них не было. Писались они урывками, без намеченного плана⁵¹.

Таким образом, анализ мемуаров и дневниковых записей В. А. Пыпиной позволяет сделать вывод о том глубоком и плодотворном влиянии родителей, которое они оказали на духовное и нравственное формирование своей дочери Веры. Влияние это проявится впоследствии и в ее жизненной позиции, и в ее деятельности. Потеря родителей оказалась для неё невосполнимой утратой, ощущением одиночества и «беспрерывным страданием душевным»⁵². Духовные ценности, усвоенные Верой Александровной в семье, будут побуждать её в дальнейшем заниматься культурно-просветительской и общественно-благотворительной деятельностью и на протяжении всей жизни будут давать силы, которые позволят ей выстоять в сложных ситуациях, которые возникали на ее жизненном пути, особенно в тяжелую, переломную эпоху в судьбе страны.

Примечания

¹ Чернышевская Н. М. К истории создания Дома-музея Н. Г. Чернышевского (Сотрудничество В. А. Пыпиной в 1920–1930-е годы) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. (продолжающееся издание). Саратов, 1978. Вып. 8. С. 263–278 ; Она же. А. Н. Пыпин и его старшая дочь // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1997. Вып. 12. С. 122–132.

- ² Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского (далее – МНГЧ). ОФ № 202.
- ³ Чернышевская Н. М. Очерк музейной, литературной и художественно-просветительской деятельности В. А. Пыпиной // К истории первого десятилетия Дома-музея Н. Г. Чернышевского. 1920–1930 гг. Саратов, 1971. С. 9–10 (МНГЧ. ОФ № 7347/3407).
- ⁴ Шевырин В. М. «Пробудить чувства добрые» (Графиня С. В. Панина) // Россия и современный мир. М., 2007. С. 223.
- ⁵ Автобиография и список научных работ В. А. Пыпиной от 10.02.1920 г. Л. 3 // МНГЧ. ОФ № 4210.
- ⁶ Панина Софья Владимировна (1871–1956) – последняя представительница графской ветви рода Паниных. Известна своим участием в либеральном движении и благотворительной деятельностью. С 24 мая (6 июня) 1917 г. товарищ министра государственного призрения, с 14 августа – товарищ министра народного просвещения Временного правительства России.
- ⁷ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 143.
- ⁸ Меддум – ныне поселок Медуми Даугавпилсского края Республики Литва.
- ⁹ Чернышевская Н. М. А. Н. Пыпин и его старшая дочь. С. 124.
- ¹⁰ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 160.
- ¹¹ Там же. Ед. хр. 418. Л. 95.
- ¹² Там же. Ед. хр. 419. Л. 56.
- ¹³ Там же. С. 115.
- ¹⁴ Балыкин Д. А. А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. Брянск, 1996. С. 18.
- ¹⁵ РГАЛИ Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 419. Л. 115.
- ¹⁶ Там же. Ед. хр. 406. Л. 25.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 419. Л. 121.
- ¹⁹ Чернышевская Н. М. А. Н. Пыпин и его старшая дочь. С. 124.
- ²⁰ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 1.
- ²¹ Там же. Л. 2.
- ²² Там же. Л. 206.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Ед. хр. 417. Л. 14.
- ²⁵ Там же. Ед. хр. 416. Л. 26.
- ²⁶ Пыпина В. А. Отец и мать в моем уме и сердце. С предисловием и автографом автора. 1927 г. Машинопись. С. 36 // МНГЧ. ОФ № 7347/3572.
- ²⁷ Там же. С. 37.
- ²⁸ Там же. С. 118.
- ²⁹ Там же. С. 118–119.
- ³⁰ Михеева Г. В. История библиографии детской литературы в 1917–1921 гг. // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та культуры и искусства. 2004. № 12. С. 91.
- ³¹ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 418. Л. 43.
- ³² См.: Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. М., 1917. Т. 4.
- ³³ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 418. Л. 62.
- ³⁴ Пыпина В. А. Отец и мать в моем уме и сердце. С. 136.
- ³⁵ Там же.

- ³⁶ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 225.
- ³⁷ *Пыпина В.А.* Отец и мать в моем уме и сердце. С. 141.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 417. Л. 51.
- ³⁹ Там же. Ед. хр. 419. Л. 81.
- ⁴⁰ Там же. Л. 56.
- ⁴¹ См.: *Пыпина В. А.* Владимир Сергеевич Соловьев. Страничка из воспоминаний // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 30.
- ⁴² РГАЛИ Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 188.
- ⁴³ Там же. Л. 124.
- ⁴⁴ *Пыпина В. А.* Отец и мать в моем уме и сердце. С. 180.
- ⁴⁵ Подробнее см.: *Чернышевская Н. М.* Семья Н. Г. Чернышевского : очерки. Саратов, 1980. С. 43–86
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Озерянский А. С.* Две жизни – две судьбы. Николай Гаврилович Чернышевский и Александр Николаевич Пыпин // Волга XXI век. Саратов, 2013. № 9–10. С. 206–213 ; *Он же.* Чернышевский и А. Н. Пыпин об общественном сознании и перспективах России (1860-е гг.) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 2004. Вып. 15. С. 194–201 ; *Он же.* К вопросу взаимоотношений Н. Г. Чернышевского и А. Н. Пыпина (по материалам переписки 1840–1860-х гг.) // Пропагандист великого наследия. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 124–136.
- ⁴⁷ *Пыпина В.А.* Отец и мать в моем уме и сердце. С. 132.
- ⁴⁸ Там же. С. 164.
- ⁴⁹ Там же. С. 180–181.
- ⁵⁰ Впервые опубликованы частично : в «Вестнике Европы» (1903. Ноябрь, декабрь ; 1904. Март, апрель), впервые полностью см.: «Мои заметки» // Вестн. Европы. 1905. Февраль, март (Отдельное издание – СПб., 1910).
- ⁵¹ *Пыпина В. А.* Отец и мать в моем уме и сердце. С. 303.
- ⁵² РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 407. Л. 106.

Образец для цитирования:

Ризаева Е. Н. В. А. Пыпина: «Отец и мать в моем уме и сердце» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 419–424. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-419-424>

Cite this article as:

Rizaeva E. N. V. A. Pypina: «Father and Mother in my Mind and Heart». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 419–424 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-419-424>